

Светлана Панина

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ

НА КЛОНЦЕ

18+

Светлана Панина

Сослагательное наклонение

«Автор»

2007

Панина С.

Сослагательное наклонение / С. Панина — «Автор», 2007

Нельзя было в тебя влюбляться! Когда мы встретились впервые, ты была совсем ребенком. Угловатой, странной девчонкой. Когда мы встретились снова, ты стала соблазнительной морской нимфой. И нам было хорошо вместе в то лето. Помнишь? Игры под дождем, секс на пляже, танцы под луной. Я сам все испортил? Ты скажешь "да", и будешь права. Но, может, еще не поздно все исправить? Я знаю, ты ведь задумывалась, что было бы, если...

© Панина С., 2007

© Автор, 2007

Светлана Панина

Сослагательное наклонение

Я сижу в машине и смотрю на дождь. Вода бежит по лобовому стеклу, барабанит по крыше. Хочется, чтобы тучи не рассеивались, чтобы дождь лил и лил, чтобы, пользуясь этим предлогом, можно было никуда не ехать, а просто сидеть так, уставившись в никуда, позволив мыслям нести меня в неизвестном направлении.

Мир вокруг кажется призрачным, размытым, он почти перестал существовать. Появляется на миг, когда «дворники» смахивают со стекла воду, и сразу исчезает в дожде. Но несколько секунд я вижу высокий каменный забор, за ним – утопающий в зелени дом под красной крышей. Светлая штукатурка стен потемнела от сырости, на ней проступили пятна и трещинки, отчего дом кажется мрачным и старым. Дождь хлещет по черепице, вода стекает в жестяной желобок, бежит по нему и на углу водопадом падает вниз, на дорожки. Я хочу увидеть маленький балкончик на втором этаже, но взгляд упорно избегает его и утыкается в льющуюся с крыши воду.

Никогда не любил дождь.

Теперь дождь отыгрывается, подтрунивает надо мной:

Кап-кап,

кап-кап,

бол-ван,

бол-ван.

Сам не знаю, какого черта меня занесло на эту улочку маленького приморского поселка. Я не появлялся здесь несколько лет и уверился, что никогда не появлюсь. Все, что когда-то связывало меня с этим местом, с прячущимся в дожде балкончиком, осталось в прошлом. Я вообще с трудом узнал этот дом. Он изменился с последней нашей встречи: обзавелся модной черепицей, новым забором. Да и дом, наверное, не узнает меня – я тоже стал другим. Да и нужно ли нам встречаться? Вот он снова возникает передо мной: темные окна плотно задернуты шторами, дымок над трубой не вьется.

Интересно, чтобы ты сказала, увидев меня здесь?

Я вдруг отчетливо представляю тебя: загорелую, смеющуюся, в коротком белом сарафанчике с цветочной вышивкой по подолу. Мокрые волосы облепили щеки и плечи, босые ноги в грязи. Мне нравится помнить тебя такой...

В тот день тоже был дождь. Ну как дождь... Обычный августовский ливень. Вода стояла стеной, небо взрывалось молниями.

Мы были в гостинной. Ты зачарованно прильнула к окну, высунув в форточку руку, и улыбалась.

– Простынешь, – отечески заметил я, любуясь твоими ногами. Мысли мои были очень далеки от дождя и болезней, а чувства – от родственных.

Ты рассмеялась в ответ, а потом спрыгнула с подоконника, схватила меня за руку и потащила из комнаты:

– Идем, идем скорей!

Твои глаза блестели, рука была прохладной после дождя, и я покорно побежал за тобой. Ты выскочила на улицу и закружилась под дождем, раскинув руки и визжа, а я прятался под навесной крышей и смеялся.

Тетя Тамара, твоя мама, показалась в ближайшем окне, затарабанила по стеклу, пытаюсь привлечь твое внимание, грозил кулаком, качала головой – тщетно. Но, увидев ее, я разве-

селился еще больше и прыгнул под дождь, к тебе. И мы, словно дети, выскочили за калитку и запрыгали по лужам, хохоча и стараясь сильнее обрызгать друг друга водой, собирали ладонями и пили дождь. А потом целовались в саду под вишнями, и твоя кожа казалась ледяной...

Странно, но я даже не помню, как увидел тебя в первый раз.

Мне было двадцать. Позади осталась служба в армии, впереди маячила учеба в ВУЗе. Я томился в городе, сердцу и телу хотелось приключений, и родители, хвала им, отправили меня в Крым, под Севастополь, к дальней родственнице Тамаре.

Сколько ж было тебе? Лет двенадцать, не больше. То тут, то там я наткнулся на тебя, неказистую, большеглазую девчонку в веснушках, с вечными царапками на руках и ногах. Щеки твои вспыхивали каждый раз, когда ты видела меня, глаза, казалось, становились еще больше, а сама ты ссутуливалась и старалась поскорее прошмыгнуть мимо. Казалось, что я тебя стесняю, мешаю каким-то твоим девчачьим важностям, и от этого мне было неловко и весело одновременно.

Иногда, встречаясь вечером во дворе, мы болтали о пустяках. Ты садилась рядом со мной на скамейку и рассказывала что-то о валунах, пляжах или медузах... А я молчал, поддакивал невпопад и чувствовал себя глупо. Помню, однажды ты подарила мне колечко, сплетенное из каких-то цветных проволочек: трещала, как всегда, о какой-то морской ерунде, потом вдруг метнулась в дом, а, вернувшись, сунула что-то мне в ладонь и тут же умчалась. Колечко было маленькое, неказистое, и я рассмеялся тебе вслед. Даже не знаю, куда оно подевалось потом: может, сунул в карман и вытряхнул с мусором. Ты дулась, когда я небрежно признался в этой потере, а я недоумевал и злился на тебя...

Забавно вспоминать все это теперь.

Много позже, в то самое лето, когда мы резвились под ливнем, я напомнил тебе о том кольце. Был вечер, окно в твоей комнате было открыто, и ветер раздувал тюль. Мы валялись в кровати, утомленные бурным сексом. Ты лежала на боку, прикрывшись уголком простыни, теребила мои волосы, пытаясь накрутить их на палец, и думая о чем-то своем... Я любовался тобой сквозь ресницы. И вдруг вспомнил ту историю.

– Эх, Пашка... – тихо рассмеялась ты в ответ и перевернулась на спину. Простынь соскользнула, оголив одну грудь, и ты поспешно, словно застеснялась, натянула ее обратно. – Я же тебя любила. Ты был такой... такой... взрослый и красивый... – хихикнула ты, и взгляд твой потеплел.

– А сейчас? Любишь? – вдруг ляпнул я, и под ложечкой сладко заныло. Не знаю, какой ответ я хотел услышать. Наверное, любой, который позволил бы обнять тебя, откинуть дурацкую простынку и снова вернуться к тому, чем мы занимались не так давно.

– Дурак ты, Пашка, – буркнула ты, но уже не весело, словно уколола, и тут же сдернула с меня простынь и, завернувшись в нее, как в кокон, закрыла глаза. И стало понятно, что мне пора идти к себе...

Хорошее было лето. Вспомнил – и грустью согрело. Тогда мне было двадцать пять, а тебе – уже семнадцать. Ты только поступила в какой-то университет в Севастополе, а я как раз закончил архитектурный и теперь лелеял наполеоновские планы, а пока решил устроить настоящий отпуск и снова прикатил погостить к тете Тамаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.